

ствованія чого нибудь законченнаго. А всякое напоминаніе о неудачной попыткѣ было неумѣстно и неделикатно, и исключало возможность поинтересоваться тѣмъ, что можетъ обнаружиться только потомству. Самъ онъ говорилъ иногда, что трудно уловить духъ того времени по отдаленности этой эпохи.] 3 3

3 4 Декабрьскій бунтъ онъ изучалъ при лучшихъ условіяхъ. Онъ пользовался не только тѣмъ, что обѣ этомъ напечатано, но и множествомъ фамильныхъ записокъ, мемуаровъ и писемъ, которые повѣрялись ему съ условіемъ сохранить семейныя тайны. Зимою 1877—1878 г.г. онъѣздилъ въ Петербургъ осмотрѣть Петропавловскую крѣпость.

Въ семейномъ кругу онъ разсказывалъ, что звуковая азбука, существующая въ мѣстахъ заключенія, впервые создана декабристами. Когда имъ запрещались переговоры и такимъ способомъ, они доходили до такого искусства, что дѣлали это на ходу, напр. стуча палочкой объ заборы, чего стража не замѣчала. Между прочимъ Левъ Николаевичъ со слезами на глазахъ разсказывалъ, какъ одинъ декабристъ, заключенный въ крѣпости, упросилъ смѣнявшагося часоваго купить ему яблоко и далъ послѣднія деньги. Часовой принесъ прелестную корзину фруктовъ и деньги назадъ. Оказалось, что посыпалъ это купецъ, когда узналъ о личности заключеннаго. Декабристъ, полковникъ Кавалергардскаго полка, Лунинъ, удивлялъ Льва Николаевича своею несокрушимою энергию и сарказмомъ. Въ одномъ изъ писемъ съ каторги къ своей сестрѣ, находившейся въ Петербургѣ, онъ осмѣялъ назна-